

**К дискуссии об оформлении этнокультурных общностей кочевников
Азиатской Сарматии 2-й пол. II – 1-й пол. III вв. н.э.**

Яценко С.А.

<http://www.formuseum.info/2009/03/28/jacenko1.html>
<http://www.formuseum.info/2009/03/28/jacenko2.html>

Злые были те богатыри [нагты], завистливые на
чужой достаток. Нападали они на мирных людей, не
пославши вперед вести о войне, отнимали у бедняков их
последнее достояние...
Из чеченского нартского эпоса

Запланированный в Волгограде в 2009 г. очередной «сарматский» семинар предполагает разностороннее обсуждение процесса сложения к середине II в. н.э. позднесарматской археологической культуры (далее — ПАК) (1). Наиболее значимые для авторов темы – уточнение района оформления ее культурного ядра, а также ее предполагаемых исходных культурных компонентов; соответствие первоначальных племенных групп ПАК этнонимам письменных источников (в том числе - место в ней аланов) (М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев, И.Э. Любчанский); механизмы взаимодействия ее носителей с предшествующей среднесарматской культурой (прежде всего - в погребальном обряде) (М.В. Кривошеев, С.И. Безуглов); методика выявления следов миграций в археологическом материале и характер влияния Китая и державы Хунну на создателей ПАК (А.В. Симоненко, И.Э. Любчанский). Важным сюжетом стала констатация отсутствия надежно датированных среднесарматских памятников 1-й половины II в. (т.е. периода, непосредственно предшествующего активному распространению ПАК) для их основного центра в низовьях Дона (С.И. Безуглов). К сожалению, авторы представленных текстов обходят молчанием проблемы взаимоотношений носителей позднесарматской культуры с западными соседями (2).

Диапазон проблем, затронутых авторами предложенных на обсуждение «базовых» статей, охватывает эту сложную проблематику в разных масштабах и измерениях – от исследования устройства зубов людей, похороненных в небольшом могильнике (Н.А. Суворова) до рассмотрения характера взаимодействий средне- и позднесарматской культур в волго-донском междуречье (М.В. Кривошеев) и механизмов миграций кочевников в масштабах евразийской Степи (А.В. Симоненко). Изучение кочевых обществ данного времени уже давно не является монополией одних лишь археологов-сарматологов: эта тематика интересует историков и археологов разных стран, занимающихся позднеантичным обществом, ранними германцами и культурными контактами Восток-Запад, специалистов по физической и культурной антропологии, кавказоведов-медиевистов, лингвистов, почвоведов, исследователей ремесленных технологий и др. Их выводы при ознакомлении с «позднесарматскими» материалами иногда звучат дискомфортно. Большой удачей (и, конечно, заслугой организаторов)

является то, что почти все обсуждаемые статьи написаны в духе соблюдения научной этики и простой житейской вежливости, которой, увы, так недоставало в последние годы части сарматологов (3).

А.С. Скрипкин на рубеже 70-80-х годов минувшего века стал высказывать предположения, что «позднесарматская» общность могла оформиться к востоку от Волги (в 1-й пол. II в.) с заметной культурной ролью влиятельных групп центральноазиатских мигрантов, а также что ее распространение на запад – к низовьям Дона - было сравнительно быстрым и вряд ли мирным (см., например: Скрипкин, 1984, с. 95-101). Сегодня очевидны и разительные отличия от роскошной «среднесарматской» культуры предшественников. Соседям «поздних сарматов» пришлось столкнуться с более провинциальным обществом, менее склонным к заимствованиям у развитых соседей, явно имевшим в исходных, самых восточных районах более скудные ресурсы (см. Малашев, Яблонский, 2008), и вместе с тем, обладающим хорошо организованной прослойкой полупрофессиональных (?) воинов.

Прежде всего, авторы представленных статей признают, что они не могут четко определить сегодня состав и исходные территории восточных мигрантов, активно участвовавших в создании данной культуры (4). По мнению В.Ю. Малашева и М.Г. Мошковой, «ведущие признаки погребального обряда позднесарматской культуры – абсолютное большинство подбойных и узких прямоугольных могильных ям, северная ориентировка погребенных и очень высокий процент погребенных с деформированными черепами» – в оформившемся виде проявились на сравнительно небольшой территории в Южном Приуралье. Они справедливо отмечают, также тем, что в материалах ПАК нет тех ярких центральноазиатских и китайских элементов, какие были у ее предшественников.

Уточнить исходные районы миграции предков «поздних сарматов» могут помочь аналогии важнейшим, наиболее характерным аспектам их культуры. В.Ю. Малашев и М.Г. Мошкова для выявления их прародины используют девять элементов культуры, прежде всего – три параметра погребального обряда (два вида погребальных конструкций и ориентация умерших головой на север), обычай кольцевой деформации черепа и пять типов артефактов (некоторые виды лепной керамики; прямоугольные курильницы; длинные мечи, с которыми связаны крупные же оселки; ножи со сложносоставной ручкой). Сложность определения исходной территории усугубляется слабой разработкой хронологии для регионов к востоку от Урала и намного меньшим количеством исследованных там памятников. Думаю, значимые элементы данной культуры, выявляемые археологами, к приведенному списку не сводятся, и эти параметры можно дополнить несколькими новыми.

Во-первых, речь идет о специфическом облике одежды «поздних сарматов». Сопоставление по многим параметрам показывает, что, по сравнению с другими народами иранского мира того (и предшествовавшего) периода, она по целому ряду очень специфических параметров близка юэцжам и другимномадам Бактрии (5)

времен Кушанской империи (Яценко, 2006а, с. 312) (6), также (в совершенно других аспектах и лишь для женщин (7)) – носителям джетыясарской культуры Нижней Сырдарьи (в Восточном Приаралье, кит. Яньцай) (Яценко, 2006б, с. 321-322, 326) (8). Это делает вероятным поиск прародины сравнительно недалеко от междуречья Амударьи и Сырдарьи.

Во-вторых, существенен анализ кланово-семейных знаков собственности (gakk/nishan). До недавних пор казалось очевидным их наибольшее сходство с хорезмийскими, причем на южноуральском зеркальце-подвеске из кургана 8 Большекараганского могильника представлен хорезмийский царский nishan (Яценко, 2001, с. 88; рис. 6, 92). Однако особый интерес для нашей темы, на мой взгляд, представляют позднесарматские аналогии знакам позднего Канцзюя и оставшихся после распада этой державы обществ (бассейн Средней Сырдарьи, включающий район Шымкента, Отрарский и Ташкентский оазисы). Известно, что, по данным китайской хроники «Вэйлюэ» (Вей-ши, III. 6а), кочевники, жившие на северо-запад от Аральского моря, в сторону границ Рима/Дацинь (кочевые страны Янь и находящаяся дальше Лю) «весьма зависели» от Канцзюя примерно до начала III в. Публикация позднеантичных и раннесредневековых знаков-nishan этой территории активно началась лишь три года назад (9). Дальнейшее издание и детальный анализ всех этих знаков еще предстоят, но уже сейчас вполне ясно, что знаки II-III вв., представленные в коллекциях из низовьев Дона, Боспора и Предкавказья, имеют более всего точных соответствий и аналогов именно там (10). Однако надо учесть, что в I – 1-й пол. III вв. Канцзюй являлся крупнейшей по территории державой западной части Центральной Азии с пятью лишь только крупными вассальными царствами (11), и в силу этого (из-за брачных связей, побратимства и др.) знаки его влиятельных кланов могли попасть весьма далеко. Кушанские же аналогии знакам «поздних сарматов» мизерны и не могут всерьез учитываться.

В-третьих, с появлением пришельцев в искусстве кочевников европейской Степи (на собственной территории «поздних сарматов», но отчасти и в соседних Прикубанье и «позднескифском» Крыму) мы наблюдаем совершенно иной, чем прежде, набор антропоморфных персонажей (божеств и мифоэпических героев). Прежние боги исчезли, в том числе – перестали воплощаться женские персонажи, а художественный уровень изображений стал в среднем намного ниже (Яценко, 1992а, с. 193). Каковы же эти новые сюжеты, и где искать наиболее близкие аналогии им?

1. Мужское божество с подчеркнута очень крупными (и часто - слегка изогнутыми) звериными ушами, подобными имеющимся у греческого Силена, но в совсем иной иконографии. Оно связано с охотой на оленей или находится рядом с оленем – этим излюбленным объектом охоты. Судя по его иконографии, речь идет об известном у многих народов божестве охоты и покровителе диких животных, вроде осетинского Афсати, представляющимся в облике оленя, всаднике на оленей, хозяином золотых оленей и т.п. (Яценко, 1992а, с. 193-194; 1992б, с. 65; см. также: Дирр, 1915; Гуриев, 1991, с. 4-19). Его личина представлена на бляхах узды из

кургана 6 1983 г. в Ростове-на-Дону, опубликованного П.А. Ларенком, и на навершии меча из Лебедевки VI в Приуралье; целиком его фигура в виде всадника охоты с собакой на оленя (?) вырезана на пряслице из «позднескифской» могилы 14 в Заветном (Юго-Западный Крым) (Яценко, 1992а, табл. 4, 5; 7, 6; 13, 3). Ранее (в скифское время) этот бог известен в петроглифах Внутренней Монголии, у «пазырыкцев» Алтая (Уландрык III, курган 4, где его личина изображена у ног оленя), в сакских петроглифах Семиречья (Теректы и хребет Кетмень), сидящим - на оссуарии с усадьбы 13/70 у Кой-Крылган-калы (Кой-Крылган-кала, 1967, с. 232, рис. 90), а в интересующее нас время представлен в том же Хорезме в сценах священного танца (Топрак-кала, Зал танцующих масок: Топрак-кала, 1984, с. 80, рис. 40).

2. Еще одним значимым образом представляются примитивные лепные идолички в виде стоящего всадника, появляющиеся на Азиатском и Европейском Боспоре. Они во многих деталях иконографии не сходны с более ранними, греческой работы (12). Близкие аналогии им известны в это время лишь на поселениях кушанской Бактрии (см., например: Pugachenkova, 1989; Яценко, 2004, с. 295).

Интересные детали видим и у некоторых, уже известных ранее типов персонажей, в том числе у южных соседей «поздних сарматов». Таков стоящий фаллический мужчина в островерхой шапке, с руками у бедер (бронзовая фигурка, Тифлисская на Кубани, курган 20 1902 г.) Эта бронзовая фигурка высотой 7,9 см найдена в погребении с курильницей II-III вв. и более ранним по дате остальным инвентарем (Гущина, Засецкая, 1994, с. 61-62; № 316). Она отличается близких «среднесарматских» фигурок с Украины (Ногайчик и Старая Осота) (Симоненко, 1993, с. 91, фото 24; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 83, рис. 4, 37; 15, 4) размерами и особенно – наличием островерхого убора. Достаточно близкие аналоги в бронзе (но плоские) с островерхой шапкой в небольшом количестве известны в данное время лишь в джетыясарской культуре (Левина, 1996, рис. 169, 4). Плоские подвески в виде персонажа с такой иконографией стали популярны у средневековых аланов.

Иными словами, аналогии названным новым сюжетам (хотя и не слишком точные) тоже, как будто, подводят нас ближе к берегам Амударьи и Сырдарьи (13).

Однако, как интерпретировать аналогии такого типа, как и аналоги в погребальном обряде, происходящие из оазисов Трансоксианы / Западного Туркестана и прилегающих к ним зон? Как свидетельство влияния оазисных обществ на соседние территории (включая непосредственных соседей-номадов)? Или как следы влияния в противоположном направлении - просачивания в эти зоны отдельных групп кочевников из более дальних и более северных / северо-восточных районов? В данном случае мы, кажется, в основном имеем дело со вторым вариантом.

В.Ю. Малашев и М.Г. Мошкова в принципе допускают активное участие в окончательном формировании «поздних сарматов» на Южном Урале групп

кочевников и полукочевников одной из трех разных территорий, сильно различающихся между собой в природном отношении и близости к центрам цивилизации районов. Это: 1) окраины Северной Бактрии, 2) берега Нижней Сырдарьи и 3) более северные регионы – полупустыни Центрального Казахстана, Северный Казахстан, и менее вероятно - Юго-Западная Сибирь (саргатская культура). Однако В.Ю. Малашев, насколько я понимаю из бесед с ним, в результате наблюдений над «исходными» южноуральскими материалами (Малашев, Яблонский, 2008) – скудностью принесенных с собой «отцами-основателями» артефактов и незначительным влиянием на них ближайших центров цивилизации – склоняется в сторону более удаленных (на север) от среднеазиатских оазисов регионов, то есть – в сторону третьего направления поисков. В пользу этого говорит и сочетание результатов анализа Д.В. Пежемским и Л.Т. Яблонским костных остатков мужчин-мигрантов южноуральского могильника (наиболее близки казахстанским популяциям, в то время как женщины туземки представляют прежнее «среднесарматское» население) и анализа зубов, проведенного Н.А. Суворовой (близость их параметров к уже изученным на сегодня южносибирским группам).

Такой вывод кажется наиболее обоснованным: подобные особенности культуры скорее связаны не столько с особой ментальностью создателей, сколько с их исходной удаленностью от главных очагов культуры, либо с типом хозяйства (интенсивное, «типичное» кочевое скотоводство в полупустыне или глубине степей), либо с обоими факторами сразу. Важно, что как раз ко II в. н.э. в европейских степях по данным почвоведов, закончился засушливый период (Демкин, 1997, с. 156, 187), что создавало гораздо лучшие возможности для «классического» кочевания в глубине степей и сильно уменьшило вероятность оседания номадов.

М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев утверждают, что ядро «поздних сарматов» нельзя определенно соотнести со сведениями письменных источников, в том числе – с аланами и полагают этот факт общеизвестным. Они отмечают, что этноним «аланы» в пределах 2-й пол. II – 1-й пол. III вв. встречается в источниках много реже. Думается, эти утверждения стоит прокомментировать.

Во-первых, в «Книге картины Земли» аль-Хваризми (около 840 г.) с опорой на некий неизвестный нам позднеантичный источник отмечается, что «центр земли аланов» находится к востоку от Волги/Ра и южнее Рипейских/Уральских гор (Калинина, 1988, с. 95), то есть примерно там, где фиксируется оформившаяся позднесарматская обрядность. Это вполне соответствует и размещению на северо-запад от Арала страны Янь китайских источников, до рубежа II-III вв. «весьма зависевшей» от расположенного к юго-востоку Канцзюя и платившей ему дань мехами (т.е. располагавшейся рядом с лесной зоной) (Яценко, 2001, с. 72). Вариантов соотнесения этих сведений с тем или иным периодом истории «сарматских» культур у нас всего два: среднесарматское время или начальный этап позднесарматского. Первый период можно исключить: в Европе аланы по письменным источникам локализируются у устья Дона, а считать Южное Приуралье районом оформления будущей роскошной среднесарматской культуры (которую

сегодня принято связывать с аланами и некоторыми их союзниками) и называть «центром» аланских владений сегодня нет серьезных оснований. Следовательно, остается второй вариант – отнести эту информацию ко II в. н.э. – времени предполагаемой концентрации именно в этом районе носителей ПАК на пути на запад и времени наибольшего числа кочевых памятников для данного региона в римский период.

Во-вторых, есть основание думать, что это сообщение не единично. Так, Птолемей, опирающийся, в значительной мере, на сведения 1-й пол. – сер. II в. знает два района концентрации племен с именем «аланы-скифы» - у Азовского моря, где упоминаются и Аланские горы (Geogr. III, 5, 5 и 7), и в совсем иных краях (VI. 14. 9), «обращенных к северу, вплотную к неизвестной земле» – недалеко на восток от Ра/Волги, «по эту сторону горы Имаон», (хребта, имеющего меридиональное направление, то есть почти несомненно – Уральских гор) (14) – вместе с аланорсами («аланами белыми» по В.И. Абаеву: Абаев, 1979, с. 281-282, 300). Полагаю, что сведения об аланах-скифах у Урала также могут относиться к интересующему нас периоду пребывания там ядра «поздних сарматов».

В-третьих, обратим внимание на еще одну важную деталь. Распространение в волжских и донских степях среднесарматской культуры (определяющий вклад в которую аланов сегодня общепризнан) приходится на самый рубеж н.э. или начало I в. н.э. (Сергацков, 2007, с. 41). Однако в китайских источниках о времени Старшей Хань (до 8 г. н.э.) мы не находим никаких упоминаний об аланах. Далее, при узурпаторе Ван Мане (8-23) связи Китая с Западом прервались, а первый восточноханьский император Гуань (25-57) «не имел времени заняться иностранными делами». И позже, при Минди (58-75) и Чжанди (76-88), контакты Китая касались лишь соседнего Синьцзяна. Политические реалии более позднего сообщения «Хоуханьшу» о переименовании страны Яньцай с основным кочевым населением (Восточное Приаралье (15)), в Аланья/Алань? (страна и после этого сохранила зависимость от Канцзюя), включенные в системное описание Трансоксианы, могут датироваться не раньше 94 г. н.э. (ср. Габуев, 1999, с. 87-88). В это время, вслед за новыми военными победами Бань Чао в Китае в 94 г. и вплоть до 101 г. оказались, после долгого перерыва, послы Парфии (Аньси) и среднеазиатских стран, что, видимо, отразилось в пласте информации, известном как дополнительный отчет Бань Юна 125 г. В любом случае, это произошло уже много позже попадания влиятельной орды аланов на Нижний Дон. Можно предположить, эта информация относится уже к другой группе «аланов» - к будущим создателям «позднесарматской культуры». Но помогает ли это точнее локализовать исходный пункт миграции «поздних сарматов»? Нет, поскольку, из китайской хроники следует лишь, что в это время Яньцай была захвачена группой аланов, пришедших... неизвестно откуда! Итак, по стечению обстоятельств, сохранившиеся римские источники пока раньше фиксируют аланов в Европе, чем китайские – в Азии.

В-четвертых, свидетельством письменных источников в пользу изначального именованья ядра «поздних сарматов» аланами можно, как ни странно, считать

и...сведения римских авторов о войнах аланов на Дунае между 157 и 180 гг. (16) Дело в том, что наиболее очевидные возможные трофеи таких западных походов, как было давно замечено, локализуются именно на территории «поздних сарматов» от Дона до Волги. Впрочем, можно допустить, что у римских авторов речь идет, напротив, о мигрировавшей в Венгрию под нажимом «поздних сарматов» более ранней донской группировке (носителей части известных здесь погребений с южной ориентировкой).

С другой стороны, в 1-ой пол. II в., по В.Ю. Малашеву, в совсем иной части Сарматии, в Предкавказье на базе среднесарматских племен и кавказских аборигенов оформляется «раннеаланская» археологическая культура (Малашев, 2007, с. 493-494), существовавшая во II-IV вв. Так она названа вполне обоснованно: впервые страну Аланию в этом районе из известных нам источников упоминает в своей надписи около 280 г. первосвященник Ирана Картир, а позже «Отчество аланов» поместит здесь на карте Равеннский аноним. Вероятно, с этой группировкой связана находка в соседней Грузии – отмеченного С.М. Переваловым перстня из могилы 18 в Жинвали с надписью II в., включающей и имя Алана – первым текстом на аланском языке, записанном греческими буквами (см., например: Балахванцев, 2007, с. 10). Эта группа аланов, вероятно, могла «законно» претендовать на родство с прежней могущественной нижнедонской ордой аланов царей Базука и Амбазука. В материалах предкавказских «аланов» данного периода нет свидетельств их участия в дунайских войнах. Нет оснований также говорить о каких-либо их активных отношениях (в том числе – военных конфликтах) с Боспором до 2-й трети III в. (контакты этой группы связаны с областями к югу от Кавказского хребта и с носителями ПАК).

Можно допустить, что наличие двух «аланских» группировок в данный период и положило начало ситуации, описанной позже Аммианом Марцеллином (*Res gestae*. XXXI, 2, 13 и 17), согласной которой расселенные в разных местах аланы, изнузив победами другие народы, передали им свое имя (к сожалению, не всегда можно различить в источниках самоназвание и этноним, присвоенный чужой культурой). Иными словами, «аланы» из обычного этнонима превращались в суперэтноним. В дальнейшем, в III-IV вв. и в раннем средневековье, мы видим уже серию иранских групп с наименованием «аланы» на разных, удаленных друг от друга территориях (17).

В.Ю. Малашев и М.Г. Мошкова отмечают гораздо более редкую встречаемость этнонима «аланы» в греко-римских источниках 2-й пол. II – 1-й пол. III вв. Мне думается, это объясняется комплексом объективных причин. Во-первых, после 180 г. «аланские» группировки надолго перестали быть сколько-нибудь заметной угрозой для границ Империи. Во-вторых, после Птолемея до нас не дошло значимых географических сочинений, где давались бы детальное размещение народов европейской степной зоны. В-третьих, в исторических трудах данного времени анналистическая манера изложения во многом уступает биографической (события, связанные с тем или иным императором).

С.И. Безуглов пишет, что разрушения в Танаисе около 150 г. н.э. является «одним из важнейших временных ориентиров установления позднесарматского господства в степях Нижнего Дона»; de facto эта хронологическая веха выглядит в его тексте как определяющая. Пока нет оснований думать о постепенном завоевании низовий Волги и Дона «поздними сарматами» в виде серии крупных успешных набегов (по справедливому замечанию В.Ю. Малашева, трофеи от них отложились бы в памятниках более восточных районов) или их просачивании туда. Установление позднесарматской гегемонии выглядит скорее как кратковременная акция.

Проблема надежного хронологического выделения «среднесарматских» памятников 1-й пол. II в., которую столь детально обосновывает С.И. Безуглов, может иметь вполне реальное политико-экономическое объяснение, в частности – ослабление «среднесарматской» донской группировки аланов, и, соответственно – уменьшение поступлений торговых импортов, добычи и даров. Так, письменные источники позволяют проследить крупные успешные походы донской «среднесарматской» группировки аланов к югу от Кавказа не далее самого конца I в. Как вероятное противодействие аланов боспорско-римской политике можно рассматривать события в Приазовье – гибель многих крепостей Азиатского Боспора и связанные с ними укрепление при Савромате I (93-123) Танаиса и Горгииппии (КБН №№ 1122, 1254) и сведения энкомия царского воспитателя о враждебных Боспору происках аланов среди крымских варваров (Vinogradov, 1994, p. 73-74; No 15). Они, видимо, предвзяли масштабные акции Траяна на Ближнем Востоке и Кавказе – парфянскую войну осени 113 – 114 гг. и присоединение тогда же Армении. Евтропий сообщает (Brev., VIII, 3), что после действий в Армении власть императора был вынужден признать некий могущественный царь «савроматов» к северу от Кавказа (Brev., VIII, 3).

Показательно, что последние вероятные крупные акции донских аланов на юге – легендарный поход отца царевны Сатиник (18) в Армению, видимо - в правление Санатрука (ок. 75-110) (Мовсес Хоренаци, II, 50, 58) (19) и достоверный набег на автономную парфянскую Адиабену /Ассирию около 132 г., в правление Вологеза II (хроника Адиабены) отнюдь не закончились военными успехами. Заслуживает внимания и сообщение несторианского монаха – автора «Хроники Адиабены» - о том, что в последнем случае на коренные земли напавших на Иран кочевников, воспользовавшись отсутствием войск, напали сильные враги, отражение которых заняло у вернувшейся армии два месяца (Пигулевская, 1956, с. 83-85).

С.И. Безуглов весьма доверяет осторожному предположению Д.Б. Шелова о том, что серию уникальных новых имен в Танаисе с начала правления Савромата II (174-210) оставили новые мигранты из-за Волги (Шелов, 1974, с. 92). По мнению самого С.И. Безуглова, это были именно представители вторгшегося в низовья Дона активного ядра «поздних сарматов», которые в очень короткий срок после погрома Танаиса стали оседать в этом городском центре и на соседних меотских городищах. Постараемся понять, насколько справедливо подобное утверждение.

Сегодня принято думать, что очередное серьезное бедствие для города пришло около 150 г. н.э. (Внуков, 2007), то есть в конце правления Риметалка (131-153); его обычно связывают с продвижением с востока группы носителей традиций позднесарматской культуры. Однако самое интересное заключается в том, что уже по прошествии всего лишь четверти века, в начале правления Савромата II (174-210), мы видим предполагаемых недавних кочевых разрушителей в роли... постоянных жителей города, поселение которых явно одобряется властями (Толочко, 2004, с. 18-19) (20). При этом многие из них быстро получили официальное гражданство (21) и составили очень влиятельную общину «танаитов». Она имела, в отличие от эллинов, одновременно нескольких архонтов (которые в надписях часто упоминаются впереди руководителей эллинской общины), а также собственных военных предводителей-лохагов. Предполагают, что именно из-за влияния этой варварской группы даже верховное управление городом осуществлялось необычным образом – через специальных царских посланников (Шелов, 1972, с. 240-253, 264-265, 267; Даньшин, 1990, с. 51-56). Язык имен этих варваров, по В.И. Абаеву, наиболее близок дигорскому диалекту осетинского (22). Оседание (в том числе – предполагаемых воинов-дружинников) кочевых групп, входивших в орбиту «поздних сарматов», происходило тогда и на соседних городищах, заселенных меотами. Однако меня интересует «другая сторона медали»: готовность самих создателей ПАК (локализуемых на определенном этапе в Южном Приуралье) в данное время быстрой и добровольной седентаризации именно в городах (23).

Обратимся вновь к материалам Танаиса. Как уже отмечалось, новая группа горожан принесла с собой в город большую серию иранских имен, как правило, не имеющих аналогов в других центрах Причерноморья ни в этот период, ни раньше (Шелов, 1974, с. 85-92). Этимология этих имен была проанализирована в последний раз (с учетом мнений предшественников), в серии прочих северопонтийских, знаменитым лингвистом-иранистом В.И. Абаевым (см.: Абаев, 1979, с. 277-309). Эта сводка специфических местных имен (документированных в течение менее чем столетия) очень ценна во многих отношениях, характеризуя общественную структуру, религию и профессиональные занятия только что осевших кочевников. Как и у «этнографических» осетин, это не совсем имена в нынешнем, привычном смысле, а скорее прозвища, даваемые уже взрослым людям из-за особенностей их внешности, характера и занятий. Подборка этимологий танаисских иранских имен данного времени (прежде всего – не имеющих аналогов) специально анализировалась нами в статье (Яценко, 1998, с. 54-55), оставшейся неизвестной С.И. Безуглову.

Рассмотрим подобные имена вчерашних номадов, говорящие об их занятиях, в трактовке В.И. Абаева. Часть их явно связана с привычной для оседающих номадов воинской специализацией: Любимый дружиной, Состоящий в том же боевом отряде, Попирающий стрелой, Чья речь полна отваги, Имеющий силу 10 мужей, Получающий первую награду (Абаев, 1979, с. 284, 287, 295, 298, 304, 308, 309). Наблюдается также уникальная ситуация, когда среди поселившихся в городе бывших кочевников не менее шести человек носили имя-титул Ardar (несколько

искаженный греческими транскрипцией и окончанием), т.е., по В.И. Абаеву, «Князь (руководитель)», и сохранившийся у осетин в форме *aldar* до XX в. (см., например: Абаев, 1968). Однако еще интереснее имена совсем другого рода: Кормчий корабля, Строитель, Кожевник, Медовар (?), Имеющий 8 ослов (торговец), Виновладелец, Имеющий избыток проса (также торговец?) и др. (Там же, с. 278, 282, 283, 285, 287, 289, 294, 296, 298). Не правда ли, некоторые из названных занятий очень необычны для вчерашних «типичных» кочевников, и их трудно представить, скажем, для недавних выходцев из полупустынь Центрального Казахстана или глухих районов его Севера?

Возникает закономерный вопрос: действительно ли речь следует вести именно о заселении города недавно разрушившими его «типичными» кочевниками? Или же правильнее предполагать оседание в Танаисе и его округе с разрешения Савромата II каких-то небольших племен, которые обитали здесь и ранее, еще до сер. II в. стали более оседлыми, а затем были побеждены «передовыми» группами «поздних сарматов», переняли часть элементов их культуры и, будучи в стесненном положении, были рады переселиться под защитой боспорских укреплений? При этом справедливо наблюдение С.И. Безуглова, что мы не знаем во II в. на Нижнем Дону ни одного погребения выраженного мигранта из Центральной Азии.

Кроме нелогичности иной ситуации, у нас есть еще один важный аргумент в пользу того, что это было именно так. Д.И. Даньшин уже привел ряд доводов в пользу того, что танаитами в городе того времени называли не по принципу географической локализации у р. Танаис/Дон или проживания в одноименном городе, а подразумевали конкретное племя, противопоставляемое в городе «эллинам» (Даньшин, 1990, с. 51-56). Кроме того, в Танаисе этого периода упомянут еще один важный этноним – имя, переводимое как «Стальной Ас» (Абаев, 1979, с. 278; оно известно и в столице Боспора). О чем идет речь? Птолемей, опираясь на информацию рубежа I-II вв., упоминает непосредственно к востоку от Танаиса, в волго-донском междуречье, племена танаитов и асеев (Geogr. III. 5. 10). Но именно эти же два этнонима документированы в начале позднесарматского периода в городе! Из приводимой в материалах Семинара статьи М.В. Кривошеева следует, что население Междуречья в условиях экспансии «поздних сарматов» в немалой степени сохранило прежние погребальные традиции (южную ориентировку, широкие прямоугольные ямы и др.). Он предполагает, что основной массив «среднесарматского» населения концентрировался во 2-й пол. II в. в Междуречье – именно там, где перед тем локализовались оба племени.

Можно предполагать, что подвергшиеся военно-политическому давлению и культурному влиянию «поздних сарматов» племенные группы прежней эпохи естественным образом получили убежище на соседнем Боспоре в качестве, в первую очередь, военных поселенцев (к сожалению, прямых текстов на эту тему не сохранилось). В частности, в Танаисе с разрешения властей осела часть соседнего племени танаитов. Показательно, что в целом наблюдаются явные следы быстрого и интенсивного оседания кочевых групп, входивших в орбиту «поздних сарматов», именно в ряде окраинных городов Боспора, в том числе – на его

европейской стороне (в частности – в Илурате, где могилы пришельцев концентрируются в северной части некрополя: Хршановский, 2003, с. 273-274). Единичные знаки нижнедонских кланов той эпохи присутствуют и в сельских местностях Азиатского Боспора (Яценко, 2009, рис. 1, II, 21). Думается, именно появление подобных поселенцев привело к возникновению в это время на Боспоре специальной коллегии «аланских переводчиков» (см. надпись 208 г. их начальника с негреческим именем из Гермонассы – КБН № 1053).

Важно, что оседание группы недавних полукочевников в Танаисе совпадает по времени с прекращением активной фазы войны Империи с «аланами» и другими варварами у Дуная. Непосредственно после этого, заручившись лояльностью новых обитателей устья Дона и других окраин, Савромат II между 186 и 193 гг., видимо – в русле общей политики императора Коммода (180-192) (см., например: Зубарь, Русяева, 2004, с. 162), проводит две успешные войны на границах с «тавроскифами» и сираками. Последние завершились присоединением к Боспору части Малой Скифии и исчезновением дружинной группировки кубанского «Золотого кладбища».

Однако вдали от Боспора, на северо-западной и юго-западной границе ПАК подобного массового оседания не наблюдается. Так, в Лесостепи на Верхнем Дону (где интенсивно оседали «средние сарматы», а до того частично – «Геродотовы скифы») – следы седентаризации «поздних сарматов» прослеживаются намного слабее, чем в среднесарматское время (Медведев, 1990, с. 194-195; 2000, с. 239, 243). Они также лишь в очень небольшой степени оказались включены и в локализованную южнее предкавказскую «раннеаланскую» культуру с ее крупными протогородскими центрами (Малашев, 2007, с. 494), вероятно – в результате редких смешанных браков и торговых связей.

Большой интерес представляет статья А.В. Симоненко, хотя формально она посвящена теме прошлого Семинара – миграции «средних сарматов». Мне близка общая направленность его позиции: реальными следами миграций этноса могут быть не только типы могильных ям и ориентация головы покойников, но и отдельные артефакты, подчас – раритетные (разумеется, если их рассматривать в комплексе). Этот исследователь уже давно занимается центральноазиатскими и китайскими элементами культуры у европейских номадов I – нач. II вв., и им сделан ряд важных наблюдений (Simonenko, 2001; Симоненко, 2003). Он акцентирует внимание на трех группах аналогий, связываемых им с пазырыкской культурой Горного Алтая, империей Хунну и Китаем. Рассмотрим их поподробнее.

1. Пазырыкские аналогии. Пазырыкская культура VI-III вв. до н.э. сегодня считается весьма хорошо изученной: к ней относятся более 700 раскопанных курганов из более чем 140 могильников (лучше известна юго-восточная часть ареала). Ее основные признаки были сформулированы С.И. Руденко (Руденко, 1960, с. 163) и позже А.С. Суразаковым (Суразаков, 1989, с. 118-131). Собственно пазырыкских аналогий А.В. Симоненко называет всего четыре.

Одна из них – наличие в гробах отверстия (иногда затыкаемого пробкой). Прежде всего, речь идет о традиции, широко распространенной у разных народов

Евразии. Такой обычай, например, у русских бытовал еще в XX в. (Никитина, 2002, с. 279). Второй элемент – ножны кинжалов с четырьмя лопастями (по терминологии современных исследователей «пазырыкцев» - со срединными лопастями). Эти ножны, как сегодня принято думать, появляются в V в. до н.э., однако известны они и на соседних территориях в уюкско-саглынской культуре Тувы (Догээ-Баары 2, курган 15, с радиоуглеродным датированием рубежом V-IV вв. до н.э.: Чугунов, 2007, рис. 10, 5; 12), в Усть-Иштовке I в верховьях Оби (Бородовский, 2007, рис. 100; цв. табл. XIII) и в могильнике Нилка в верховьях р. Или (китайский Северный Тянь-Шань) (Ursprung, 2007, S. 292, No 178). Однако, по сравнению с достоверными находками подлинников в соседних регионах, пазырыкские экземпляры имеют явные и очевидные «минусы»: это ритуальные модели, изготовленные специально для погребений в уменьшенном масштабе (длиной от 9 см) и обычно весьма небрежно из бронзы или дерева (окрашенного в красный цвет), а вложенные в них кинжалы-заменители часто меньше этих ножен в 2-3 раза. Допускается, что в реальной жизни подобные кинжалы могли быть менее популярны у «пазырыкцев» (Кубарев, Шульга, 2007, с. 71-72, 82-83). Механизм попадания таких саяно-алтайских кинжалов на запад неясен, но, например, еще до появления аланов в Европе (в I в. до н.э.) они фиксируются на востоке Турции, в верховья Евфрата (рельеф коммагенского князя Антиоха в Нимруд-Даге). Разумеется, последняя находка не свидетельствует о приходе ахеменидских (!) предков коммагенского князька с Алтая. Следующий предполагаемый пазырыкский элемент – горит с двумя цилиндрическими карманами и узким налучьем - во времена прибытия аланов в Европу документирован, как признает А.В. Симоненко, на изображениях в Согде (могильник Орлат), поэтому настаивать на его прямом попадании в Европу с Алтая трудно. Последним из названных элементов являются особые зооморфные кубки. Мне действительно еще в 1989 г. доводилось указывать на специфические соответствия в их оформлении у «пазырыкцев» и позже – у «средних сарматов», хотя весьма близкие зооморфные кубки бытовали также в ахеменидском и парфянском Иране.

2. Изделия, предположительно связанные с державой Хунну. Их А.В. Симоненко называет пять. Сегодня общепризнано, что воздействие военного дела, социальной структуры и т.п. первой в кочевом мире огромной «кочевой империи» Хунну на кочевых евразийского Степного пояса было велико, причем многие введенные ими новшества сохранялись до XIX-XX вв. Думаю, именно этим, в первую очередь, следует объяснить заимствование многими кочевыми и оседлыми народами более западных районов Евразии некоторых принципов конструкции их пояса (в частности, таковы могли быть символика бляшек-накладок; конструкция поясов с дополнительными свисающими ремнями типа найденных в Косике и Порогах: Яценко, 2006, с. 153) (позже, в кон. VI – VII вв. подобное наблюдается и в отношении тюркских наборных поясов), конструкции луков и использованию некоторых типов стрел. Кстати, стоит учесть, что единичные наконечники (подобные найденным в Порогах и Битаке на Украине) в степном мире Евразии часто использовались в качестве амулета или социального символа, а на Алтае в могилы помещали модели боевых стрел из дерева (см., например: Кубарев, Шульга, 2007, с. 73). Я не берусь высказываться о специфической позе животных, свойственной «звериному стилю» Саяно-Алтая и Монголии и о ее весьма

проблематичном генезисе. О вставках из кораллов и бирюзы: такая традиция действительно была известна в Китае (в бронзовых изделиях!) и частично заимствована соседними варварами. Однако в данное время (в I в. до н.э. и I-й пол. I в. н.э.) она, как известно, бытовала и на Среднем Востоке - в памятниках доимперских бактрийских юэчжей и их южных соседей индо-скифов – гораздо ближе к будущему донскому региону поселения аланов. Что касается возможности прямого кратчайшего переноса из Монголии и Саяно-Алтая в европейские степи знаков собственности – gakk/nishan (см. о таких параллелях: Яценко, 2001, с. 91), то я не могу поддержать эту идею по нескольким причинам. Главная из них в том, что в первом регионе они помещались на такие предметы быта (костяные наконечники стрел, специфические по форме деревянные детали узды и др.) которые не известны «средним сарматам».

3. Китайские артефакты. Прежде всего, замечу, что китайские изделия, приводимые А.В. Симоненко, отсутствуют на Алтае и непосредственно соседствующих с ним территориях (саргатская культура локализуется в 1,5 тыс. км от границ бывшей пазырыкской), и потому считать их принесенными оттуда в Европу невозможно. Китайские зеркала действительно нелегально попадали в Фергану и Бактрию (а также в Индию и т.п.), и их нет не только возможности, но и необходимости выводить прямо с Саяно-Алтая. Ближайшая находка меча с китайской нефритовой скобой, подобная экземпляру из Порогов, известна в тот же период в Согде (Орлат) (24). Что касается возможного китайского импульса в оформлении будущих «среднесарматских» бронзовых малых котлов и алебастровых сосудиков, то его пока следует признать косвенным, т.к. строгих аналогий обоим типам в Китае нет. По поводу версии об изображениях на алебастровых и мраморных «туалетных сосудиках» (Глухов, 2001) именно китайского лунного зайца, толкущего эликсир бессмертия, то я согласен скорее со старым мнением К.Ф. Смирнова, что на них часто схематично представлены кошачьи хищники.

К доводам А.В. Симоненко можно было бы добавить наблюдения А.М. Малолетко (см., например: Малолетко, 2005) по фольклору ряда малых народов Саян (но не Алтая) – о термине «нарт» (в значении богатырь) в сказаниях сайгайцев, о героях алынах и алан-кижах в фольклоре шорцев (25). Действительно Саянские горы представляют собой замечательный этнографический заповедник, где не только смешивались и влияли друг на друга многие этносы индоевропейской и алтайской языковых семей, но и сохранились очень древние традиции духовной культуры. Однако на пути прямых противопоставлений такого рода есть одно почти непреодолимое препятствие. Огромное большинство иранских народов прошлого было уничтожено или ассимилировано, не оставив после себя никаких текстов. Мы имеем дело лишь с фрагментами, оставшимися от персов, осетин и в небольшой мере – таджиков и памирцев, и не можем корректно судить о распространенности в прошлом тех или иных сюжетов, о направлениях их заимствований и т.п.

Замечу, что именно в Западном Туркестане имелись все реальные условия для того, чтобы обитавшие в том районе прото-аланы могли принести с собой в Европу

отдельные как китайские, так и хуннские вещи. Именно туда (Фергана-Давань, Канцзюй – Средняя Сырдарья) были направлены миграции групп хунну в 36 г. до г.э. и, вероятно - в 48 г.н.э, и именно там до 8 г.н.э (до воцарения Ван Мана) неоднократно совершали военные операции китайские солдаты.

В целом приведенные А.В. Симоненко аналогии пока, увы, не позволяют допустить ни зарождение предков аланов на Алтае, ни их последующий принудительный уход хуннами куда-то в степи, ни дальнейшее прямое кратчайшее (предположительно - в течение года по А.В. Симоненко) попадание жителей Саяно-Алтая в I в. н.э. в Европу. И отнюдь не потому, что последнее невозможно (напротив, мы знаем достоверные примеры очень быстрого прямого попадания алтайских тюрков в Европу в конце VI в., монголов в сер. XIII в. и др.). Дело совсем в ином: часть приведенных аналогий выглядит нестрогими и сугубо гипотетичными, а появление всего их комплекса логичнее и убедительнее объясняется их первоначальным попаданием (и иногда – использованием в течении определенного времени) не в Европу, а в Трансоксиану / Западный Туркестан (где, вероятно, и сформировалось ядро создателей будущей среднесарматской культуры).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И., 1968. Осетинский социальный термин Алдар // Изв. СООННИ. Т. XXVII. Орджоникидзе.

Абаев В.И., 1979. Словарь скифских слов // Основы иранского языкознания. Т. 1. Древнеиранские языки. М.

Балахванцев А.С., 2007. Эпиграфические памятники из Иберии (Восточная Грузия): addenda et corrigenda. Международная научно-практическая конференция «Восток в эпоху древности. Новые методы исследований: междисциплинарный подход, общество и природная среда». Тезисы (Сост. В.П. Андросов и др.). М.

Богомолов Г.И., 2006. Знаки на кирпичах Чача в эпоху древности и средневековья // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье. Материалы международной научной конференции (Под ред. Т. Рыскелдиева). Туркестан.

Бородовский А.П., 2007. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск.

Внуков С.Ю., 2007. Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье // ВДИ. № 4.

Габуев Т.А., 1999. Ранняя история алан. Владикавказ.

Глухов А.А., 2001. Ритуальные каменные сосудики из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона // Донская археология. №№ 1-2.

Гуриев Т.А., 1991. Наследие скифов и алан. Очерки о словах и именах. Владикавказ.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Даньшин Д.И., 1990. Танаиты и танаисцы во II-III вв. н.э. // КСИА. Вып. 197.

Демкин В.А., 1997. Палеопочвоведение и археология. Пушкино.

- Дзиговский А.Н., 2003. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса.
- Дирр А.М., 1915. Божество охоты и охотничий язык у кавказцев // СМОМПК. Вып. 44. Тифлис.
- Дюмезиль Ж., 1976. Осетинский эпос и мифология. М.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2003. «Ногайчинский» курган в Степном Крыму // ВДИ. № 3.
- Зубарь В.М., Русяева А.С., 2004. На берегах Боспора Киммерийского. Киев.
- Исмагилов Р.Б., 1990. Центральноазиатские мотивы в Нартском эпосе // V Цыбиковские чтения. Улан-Удэ.
- Исмагилов Р.Б., 1992. Две мифологические традиции в Северном Причерноморье в скифо-сарматское время // Сборник по востоковедению. Ч. II. Уфа.
- Козыренко И.И., 1957. Тамги на археологических памятниках Одесского государственного археологического музея // МАСП. Вып. 1. Одесса.
- Коновалов П.Б., 1976. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул.
- Левина Л.И., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.
- Малашев В.Ю., 2007. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II-IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М.
- Малолетко А.М., 2005. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 4. Арии. Томск.
- Медведев А.П., 1990. Сарматы и Лесостепь. Воронеж.
- Медведев А.П., 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону (Отв. ред. Ю.К. Гугуев). Ростов-на-Дону.
- Наглер А.О., Чипирова Л.А., 1985. К вопросу о хозяйственных типах в древних обществах // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.
- Нарты, 1989. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М.
- Никитина А.В., 2002. Русская традиционная культура. Учебное пособие для иностранцев. СПб.
- Пигулевская Н.В., 1956. Города Ирана в раннем средневековье. М., Л.
- Подушкин А.Н., 2000. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. - VI в. н.э. Туркестан.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цзвэндорж Д., 2006. Раскопки кургана хунну в горах Ноин-Ула, Северная Монголия // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII. Новосибирск.
- Ртвеладзе Э.В., 2008. К ранней истории Чача (Новые нумизматические и эпиграфические источники) // ОНУ. № 4. Ташкент.

Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., Л.

Сергацков И.В., 2007. Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 1. Волгоград.

Силантьева П.Ф., 1974. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Часть III. Пантикапей (САИ. Вып. Г 1-11). М.

Симоненко А.В., 1993. Сарматы Таврии. Киев.

Симоненко А.В., 2003. Китайские и центальноазиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья // НАВ. Вып. 6. Волгоград.

Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

Смагулов Б.А., Яценко С.А., 2006. Знаки и рисунки на керамике Сидака со Средней

Сырдарьи // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности.

Древность и средневековье. Материалы международной научной конференции (Под ред. Т. Рыскелдиева). Туркестан.

Суразаков А.С., 1989. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблема хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск.

Толочко М.В., 2004. Некрополь Танаиса (нач. III в. до н.э. – V в. н.э.): опыт сравнительного изучения. Автореф. дисс...канд. ист. наук. М.

Топрак-кала. 1984. – Топрак-кала. Дворец. М.

Хршановский В.А., 2003. Некрополь Илурата: топография, хронология, этнокультурная характеристика // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений (Под ред. В.Н. Зинько). Керчь.

Чугунов В.К., 2007. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990-1998 гг.) // А.В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова (Под ред. С.В. Хаврина). СПб.

Шелов Д.Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.

Шелов Д.Б., 1974. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II-III вв. н.э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. № 1.

Ярцев С.В., 2009. Варварский мир Северного Причерноморья второй половины I – третьей четверти IV вв. н.э. Автореф. дисс...канд. ист. наук. М.

Яценко С.А., 1992а. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. (Alanica. Вып. II) (Отв. ред. В.В. Техов). Владикавказ, Цхивал

Яценко С.А., 1992б. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ.

Яценко С.А., 1998. Имена аланов из Танаиса второй половины II – первой половины III вв.н.э. как исторический источник // Донская археология. 1998. № 1.

Яценко С.А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.

Яценко С.А., 2004. Глиняные фигурки всадников древних иранских народов // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Вип. XI. Запоріжжя, 2004.

- Яценко С.А., 2006а. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.
- Яценко С.А., 2006б. Костюм джетыясарской культуры на фоне соседних народов // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье. Материалы международной научной конференции (Под ред. Т. Рыскелдиева). Туркестан.
- Яценко С.А., 2009. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I-III вв. н.э. // Древности Боспора. Т. 13. М., 2009.
- Pugachenkova G.A., 1989. Terracotta Horses of Bactria-Tokharistan // BAI. NS. Vol. 3. Bloomfield Hills.
- Simonenko F., 2001. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region // SRAA. Vol. 7. Kamakura.
- Ursprung, 2007. Ursprünge der Seidenstrasse. Sensationelle Newfunde aus Xinjiang, China (Hrs. A. Wiczorek, Ch. Lind). Mannheim.
- Vinogradov Yu.G., 1994. Greek epigraphy of the North Black Sea coast, the Caucasus and the Central Asia (1985-1990) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol.1. Leiden.
- Yatsenko S.A., 2009. The Ancient and Early Medieval Iranian-Speaking Peoples of the Eastern Europe, Iran, Transoxiana and South Siberia // Traditional Marking Systems: Presence, Symbolism and Usage (Ed. by J. Evans Pim, O. Perrin, S.A. Yatsenko). London, 2009 (in print).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ – Вестник древней истории
- Изв. СОНИИ – Известия Северо-Осетинского Института истории, языка и литературы
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
- МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья
- НАВ – Нижневолжский археологический вестник
- ОНУ – Общественные науки в Узбекистане
- САИ – Свод археологических источников
- СМОМПК – Сборник для описания местностей и племен Кавказа
- BAI. NS – Bulletin of the Asia Institute. New Series
- SRAA – Silk Road Art and Archaeology

ССЫЛКИ (цифры в скобках)

1. Подготовка этого текста была бы затруднена без любезных консультаций Б.А. Литвинского, В.Ю. Малашева (Москва), А.В. Варенова (Новосибирск) и без предоставления неопубликованным материалов по знакам Средней Сырдарьи Е.А. Смагуловым (Алматы) и Г.И. Богомоловым (Ташкент).

2. Между тем, сегодня среди «античников» становится достаточно популярной версия о слабом присутствии сарматов в варварском мире Причерноморья 2-й пол. II – 1-й пол. III вв. и о том, что более значимой силой в это время становится некое

международное пиратское приморское братство с активным участием германских мигрантов в Крыму и других местах (см., например: Ярцев, 2009, с. 16-17).

3.Исключением является текст С.И. Безуглова, для которого характерна жесткая риторика в отношении многих коллег.

4.Заранее совершенно ясен ответ на этот вопрос лишь для С.Г. Боталова: это, разумеется, хунну-гунны (часть их северной группировки в 48 г. ушла на запад), культура которых, якобы, сформировалась в Южной Монголии. Но данная версия, как известно, не нашла признания у коллег, а его статья в конечном счете была исключена из круга обсуждаемых текстов (хотя в ней есть отдельные весьма справедливые замечания, в т.ч. – о проблематичности тюркоязычия хунну). Здесь отмечу лишь, что мне непонятно, почему С.Г. Боталов привлекает для сравнения с южноуральскими «гуннами» именно памятники самого юга огромной Монголии (т.н. Внутренней, где по данным китайских хроник, в VII-III вв. до н.э. проживали не хунну, а жуны и лоуфани). При этом игнорируются классические работы по погребальному обряду хунну II в. до н.э. – I в. н.э. (Коновалов, 1976; Крадин, Данилов, Коновалов, 2004; Полосьмак, Богданов, Цэвендорж, 2006). Неясно также, почему он не ссылается о господствующее сегодня в науке мнение о том, что прародина хунну, по данным лепной керамики и погребального обряда, находилась в совсем ином регионе – в Южной Маньчжурии. Возможно, это связано с тем, что именно во Внутренней Монголии открыта серия эффектных комплексов с роскошными золотыми изделиями, которые очень соблазнительно интерпретировать в «нужном» этнокультурном аспекте.

5.Я, вслед за Б.А. Литвинским, допускаю, что среди кочевников окраин Бактрии были не только юэчжи, но и представители более ранних, «сакских» групп.

6.Это для ряда комплексов расшивка стоячего ворота женского платья рядами бляшек двух типов (капли/сердечки и полусферические) и характер декора разрезов его подола; туфли с острыми, загнутыми внутрь носками; аналогия одному, очень оригинальному типу мужских головных уборов; женские полихромные подвески в виде кисти руки и астрагалов; помещение конического головного убора за головой умершей женщины.

7.Близость отдельных параметров только женского костюма в данном случае может означать направленность эпизодических брачных связей.

8.Речь идет, прежде всего, о некоторых типах поясных пряжек (западные влияния), браслетов и бус, о креплении вертикального разреза ворота женского платья несколькими однотипными предметами (бусами в Приарае, фибулами в Сарматии), в редких случаях – о сплошной обшивке женского головного убора бусами.

9.Опубликованы серии знаков в святилище Сидак (Смагулов, Яценко, 2006, рис. 1-2), на городищах Ташкентского оазиса (Богомолов, 2006; не опубликована

пока его коллекция по керамике). Чуть раньше была издана серия *nishan* из района г. Шымкент (Подушкин, 2000); недавно стали известны три скопления на каменных плитах в позднеантичном святилище у г. Мерке (Таразская обл.) (предварительная информация: Yatsenko, 2009, fig. 5). Важен и анализ знаков на древнейших монетах Чача, после начала распада Кангюя, то есть - начиная с правителей 2-й пол. III в. Вануна (Wnwn) и Заббага (Zbbgn) (Ртвеладзе, 2008. с. 65-73).

10. Это, прежде всего, точные и наиболее близкие аналогии «сарматским» знакам: Яценко, 2001, рис. 6, №№ 36, 37, 39, 73, 80, 83, 115 и Яценко, 2009, рис. 1, I, 11 и 2, 3.

11. Мир с только что возникшей Кушанской империей был гарантирован для Канцзюя династическими браком с ее правителем (Вимой Такто) в 80-х гг. I в.

12. При этом в этой серии пантикапейских фигурок есть, как и прежде, персонаж, связанный с ритуальной охотой на зайца, хорошо известной для иранцев скифской эпохи (он держит добычу в руке); интересен и стоящий всадник с большим щитом в руке (Силантьева, 1974, №№ 226, 228; табл. 50, 3-4).

13. Другие мифо-эпические персонажи начала позднесарматской эпохи не имеют близких аналогов на иных территориях и выполнены весьма примитивно. Это очень необычное изображение всадника, охотящегося с мечом на оленя с чертами птицы, при том, что висящий у него колчан пуст (упряжь из названного ростовского кургана). Детали иконографии данной сцены хорошо соответствуют известному сюжету осетинского нартского эпоса об охоте главного эпического героя, полубога Сослана на будущую жену в облике белой лани – Дочь Солнца (Ацирухс), когда в последнюю нельзя выстрелить из лука (он сразу ломается, стрелы сами собой рассыпаются), и герой в ярости бросается вдогонку с мечом (Яценко, 1992б, с. 77; Нарты, 1989, с. 177). Это также янусовидные головы (колокольчик из Темясово в Башкирии). Еще два новых типа: уникальный примитивный фаллический идолчик из мела (высота 9 см.; обнаружен в Танаисе, курган 22/7, раскопки В.В. Чалого 1978 г.; материал не включен в полевой отчет: Яценко, 1992а, табл. 13, 7), и, видимо, популярный когда-то у скифов сюжет побратимства (каменная плита из Горгиипии: Козыренко, 1957, табл. 1, 4).

14. Т.А. Габуев видит в горах Имаон фактически... все великие горные системы западной части Центральной Азии от Северного Тянь-Шаня до Гиндукуша (!), но аргументов в пользу этого не приводит (Габуев, 1999, с. 68).

15. Столицей Яньцзя, судя по «Вэй люэ», был город Хулу (Сяньтаншу, 43б), который Ю.А. Зуев отождествляет с локализуемым где-то в этих местах городом Хаврана (Amm. Marc. Res gestae. XXII, 6, 63). Речь идет о районе, где, среди прочего, существовала джетысарская культура.

16. Аланы впервые названы в связи с многократными набегами между 157 и 161 гг. на балканские провинции (SHA. Anton. Pius, 5), причем вначале именно как

самостоятельная сила («не раз обуздывал аланов, когда они приходили в движение»). Это произошло сразу после утверждения «поздних сарматов» у устья Дона. Позже (между 167 и 175 гг.) они названы уже лишь в союзе с господствовавшими между Днепром и Днестром роксоланами (см.: Дзиговский, 2003, с. 153, 213), рядом германских племен, даками и бастарнами (SHA. Marc. Anton. 22, 1). Под конец этих событий они оказали (наряду с маркоманами) наибольшее сопротивление Риму во 2-й Маркоманской войне. В 181 г., по условиям мира, Коммод добился здесь выдачи аланами большого числа пленных римлян (Dio Cass. LXXIII. 3). Несколько позже где-то у Дуная родился от матери-аланки Габабы и отца-гота будущий император Максимиан (SHA. Duo Maxim. 1).

17. Мне и на сегодняшний день не удалось обнаружить у сторонников версии А.О. Наглера и Л.А. Чибировой (Наглер, Чипирова, 1985) – М.Б. Щукина, А.В. Симоненко, И.В. Сергацкова и других – внятной аргументации внеэтнического (сословного или кланового) характера термина «аланы» для I – сер. II вв. Единственным (но весьма неубедительным сегодня) доводом можно считать часто повторяемое высказывание М.Б. Щукина, что аланы в это время «археологически неуловимы». Это можно понимать лишь как полное отсутствие региональных различий в формах могильных ям, ориентации умерших и других элементах погребального ритуала района низовьев Дона и Волги, с одной стороны, и сарматскими группировками Западного Приазовья, Правобережной Украины, Кубани и Предкавказья – с другой (в действительности это далеко не так). Сторонники этой концепции до сих пор не могут ответить на простой вопрос: если аланы - не этнос и не имели определенной дислокации, то почему же у каждого конкретного античного автора этого времени аланы названы в чередобычных групп племен и имеют каждый раз конкретно очерченную территорию?

18. В одном из житий его именуют персидским именем Шапук/Шапур.

19. В полуполюгендарном списке ранних армянских правителей у Мовсеса Хоренаци царствование фольклорного «Арташеса» покрывает двух реальных долго правивших царей Армении и период 114-117 гг, когда Армения была римской провинцией.

20. Мы имеем вполне реалистические портреты «поздних сарматов» в роли врагов Боспора. В пантикапейском «Стасовском» склепе 1872 г. в качестве противников знатного умершего в главной композиции на стенной росписи около сер. II в. представлены персонажи с позднесарматскими костюмом и экипировкой, хотя и не слишком высокого статуса (Яценко, 2006а, с. 168-169).

21. Судя по данным Д.Б. Шелова, число граждан с иранскими именами стремительно росло в каждом из четырех зафиксированных поколений (Шелов, 1974, с. 81), и в первой половине следующего III в. увеличилось примерно в четыре раза.

22. Важен тот факт, что именно в этой группе имен из Танаиса впервые (и нигде более в античности) встречены имена важнейших героев алано-осетинского нартского эпоса (происходящих из «героического» рода Ахсартагата): Warazmag, Xsartag и Sosyr(уко), в то время как имя главы их традиционных противников – клана Бората – отмечено в это время в Прикубанье (Горгиппия) (ср.: Абаев, 1979, с. 79, 284, 319-320). Роль Бората позже подчеркивалась лишь в югоосетинских версиях эпоса (Дюмезиль, 1976, с. 174).

23. Отношение активно мигрирующих групп к городской жизни точно передал гениальный А.С. Пушкин в поэме «Цыганы»:

...Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди в кучах за оградой
Не дышат утренней прохладой
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.

24. Меня не убеждает аргумент А.В. Симоненко о том, что китайских и хуннских артефактов в Западном Туркестане известно очень мало (немногим больше, чем в европейских степях). Дело в том, что археология Средней Азии и Казахстана оформлялась преимущественно в целях раскопок поселений и связанных с ними рядовых могильников. Раскопки же «элитных» курганов здесь сопряжены с гораздо большими физическими и организационными трудностями, чем в перенаселенной и обильной археологами европейской Степи. Сужу об этом не с чужих слов...

25. Кстати, в науке существуют и противоположные попытки – представить уже самые ранние сюжеты осетинского нартского эпоса как заимствования от древнейших тюрков Центральной Азии (см. например: Исмагилов, 1990, с. 90-94; 1992, с. 41-43). Сегодня нет реальных лингвистических оснований для их поддержки.